

ВАСИЛИЙ ФОМИН

Легенда о царице

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СТЕРВА ЕГИПТА

Василий Фомин
Легенда о царице. Часть
третья. Стерва Египта

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617714
ISBN 9785448332173*

Аннотация

Совершенно неожиданно Вестник обнаруживает себя в... Впрочем, сохраним интригу для поддержания интереса и упомянем только о том, что положение и статус Вестника сильно изменились. Его, как всегда, ожидают удивительные приключения.

Содержание

Глава первая. Неожиданная блондинка	5
Глава вторая. Пикник с крокодилами	30
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Легенда о царице
Часть третья.
Стерва Египта
Василий Фомин**

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-3217-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая.

Неожиданная блондинка

Нет! Пустите твари, я еще живой! Уберите, чертов саркофаг! Я всех вас живей, а ну, все прочь! Прочь, мерзкие создания, такого просто быть не может! Я в вас НЕ ВЕРЮ!

Ох, мать вашу, ну и приснится же такое!

А может и не снится? Он открыл глаза, с облегчением ощущая под собой кровать с постельным бельем.

Ну конечно, какой такой Египет, какие еще колдовские царицы и жуткие саркофаги, когда он находится в... ну это,...а где он вообще-то должен находиться? Перед кроватью находилось окно, занавешенное прозрачной материей, слегка колышущейся, за окном, невдалеке, по широким лугам текла река, разлившаяся многочисленными рукавами, а на другом берегу, километрах в десяти, почти растворившись в дымке, виднелась гора характерной геометрии и со сверкающей золотым блеском вершиной, видимой даже с такого расстояния.

По реке плыли лодки с загнутыми, как лебединые шеи, носами.

Все-таки Египет, но может не Та-Кем, а что-нибудь другое.

Он осмотрелся. На стенах роспись: поля пшеницы и кре-

стьяне с крестьянками в белых платочках, лодки с рыбаками, бегемоты в тростниковых зарослях, а вот мужчина выше всех прочих ростом и женщина с ним рядом, друг друга держат за руки, но странно женщина с длинными соломенными волосами среди всех остальных черноволосых и вдобавок синеглазая, а мужчина...мужчина показался ему знакомым. Он повернулся на бок, подперев голову рукой, и уставился на фреску.

Нет, определенно он где-то этого типа видел.

Рожа, надо сказать, довольно-таки противная. Не в том смысле, что уродливая, как раз женщинам-то, наверное, и нравится, а на мужской взгляд именно противная: глазенки шибко умненькие, улыбочка ехидная, нос для египтянина длинноват и такое впечатление, что к чему-то принюхивается. Вон, даже у себя, на собственном своем рисунке, рожу вверх задрал – вынюхивает, прикидывает все что-то.

Что ты там все вынюхиваешь?! Рожа!

В общем, вся физиономия была такая смышлененькая – смышлененькая, как... как... ну как у священнослужителя, достигшего высшей ступени иерархии, который теперь, снисходительно взирая на мир, ни в бога, ни в демона не верит. И тут он сообразил, где мог эту мерзкую харю видеть.

Мать вашу!

Да это же он сам! А то, что все вокруг – это гробница! Где ж еще столь реалистично изображать жизнь, с мелкими подробностями.

Захоронили все-таки суки и мерзавцы! Живьем! Падлы!

Человек подскочил, как ужаленный, не сразу сообразив, что вряд ли из гробницы будет такой чудесный вид на реку. Впрочем, может это как раз поля Иалу. Но неожиданности на этом не кончились. В панике оглядывая предполагаемую гробницу, где он уже готов был скоротать вечность, в обществе настенных пейзажей и предметов заупокойного культа, он очень неожиданно уткнулся взглядом во вполне живое человеческое существо и опять подлетел на ложе, в положении сидя, от большой неожиданности.

На кровати, слева от него, сидела женщина.

Просто удивительно, как он ее мог не заметить сразу, тем более, что такую не только заметишь, а заметив, еще будешь долго оглядываться. Это была та самая, ну, что на рисунке. С удивлением он уставился на возникшую, на пустом месте блондинку. У дамы было не очень-то египетское лицо, с высокими скулами, как уже сказано соломенные волосы, переплетенные как струи текущей воды, сине-голубые, как утреннее небо глаза, по-детски капризно-пухлые губы, чуть выставленные вперед и слегка курносый нос, придававший сей деде, наряду с приоткрытым ротиком, легкомысленно-мечтательный и несколько глуповатый вид.

Славянка! Мать вашу – славянка! Славяночка родимая!

Слава всем богам! Слава тебе, господу нашему Иисусу Христу, со всеми святыми и апостолами его!

Ну, наконец-то я на месте – подумал он, забыв, под впе-

чатлением от неожиданного явления блондинки, о весьма характерном пейзаже за окном.

Красотка, впрочем, смотрела строго и оценивающе, даже с какой-то долей неприязни, а может и отвращения, но это вестник видел только мгновение. Незнакомка тут же ему улыбнулась, глаза её засияли как два топаза, вот такой сияющий взгляд, такие светящиеся глаза,

бывают только у блондинок. Девушка сразу стала очень милой и очень глупой, затем, решив, что он имел достаточно времени полюбоваться сказочным видением, тем более, что он сидел, раскрыв рот и, видимо, сидел бы так и далее, нарушила молчание, сказав:

– Как спалось, мой дорогой?

Он с удивлением смотрел на женщину, прямо скажем с большим удивлением. Но так он на нее смотрел до выше-сказанной фразы, а вот сразу после смотрел уже с очень большим удивлением. А про себя подумал – Ого! И еще – ну ни хрена себе! Причем сам не зная о чем. А вслух сказал:

– А. И-и. Это как? То есть. Ну, типа, ...и-и-и это, – здравствуйте! – сказал он не очень уверенно, только для того, чтобы не молчать.

– Что с тобой, мой дорогой? – участливо произнесла знакомка. – Как чувствуешь себя? Головка не вай-вай?

Славянка! Да какое, блин, сомнение, – русская девчонка! Вне всяких сомнений! Такое понимание утренней проблемы! Уй, ты ж моя лапусенька, – с нежностью подумал чело-

век, какая ты вся прямо-таки... своя, родная! Глазки такие наивные – наивные, ресничками бархатными леп-леп, леп-леп. Дурочка ты моя родненькая!

Голос у нее, родной кровинушки, надо сказать, был ангельский и слово «дорогой» растекалось по всему телу божественным нектаром. Он потряс головой, да что ж это такое твориться-то и, где это он? Опять в голове только смутные обрывки не поймешь чего. Он даже весьма смутно понимает почему «опять», но есть ощущение, что в подобном состоянии он уже бывал когда-то. Одно сплошное дежа вю.

– А, э-э-э, где это я-я-а? – решил он все же обратиться к блондинке с ангельским голосом, тем более что более и не к кому.

Блондинка посмотрела на него очень строго, слегка склонив изящную головку, и нахмутив малочегообещающий лобик, произнесла:

– Послушай, дорогой мой, не надо больше столько пить. Тем более все и за один раз. Я даже и сама столько не выпью.

– Так это... я, вроде того, что вообще не пил. Вот этого не надо.

– Да, дорогой, ты, конечно же, не пил,.. – легко согласилась блондинка и добавила, – но почему-то ничего не помнишь.

– Нет, почему же, я всё помню, я всё прекрасно помню. Сейчас, сейчас... о! – гробница!

Девушка чуть подалась вперед, слегка приоткрыв пух-

ленькие губки, с пониманием кивая головой.

– Ага! Ну-ну!

– И... ещё... ещё этот... саркофаг! Во!

Блондинка продолжала понимающе кивать. Он старательно морщил лоб, приставлял к нему пальцы, поднимал их многозначительно вверх, то есть производил действия способствующие усилению умственной деятельности и которые, к слову сказать, ни черта ей, абсолютно, не способствуют. Наконец, с надеждой посмотрел на девушку и неуверенно сказал:

– Нейтикерт?

Блондинка ещё раз кинула головой, затем тут же покачала ей и посерьёзнев, что, кстати, в сочетании с легкими конопушками и курносеньким носиком, очень ей шло, сказала:

– Дорогой мой, ты меня пугаешь, какая еще там Нейтикерт и саркофаг с гробницей? Это ты о чем?

– Ну-у-у, я не знаю, а я что, уже ваш «дорогой»?

«Когда же это я так надругаться-то успел над этой феей? Какая она всё-таки такая славненькая, такая, этакая девушка-Аленушка».

Фея-блондинка взяла руку вестника и, прижав к сердцу, а если быть точным, то к своей груди, очень объемистой (да, славянка, какой разговор! Такое вы. я!), с тревогой произнесла:

– Ты, что ничего совсем ничего не помнишь, дорогой?

– Да-а, я тут, это... – помычав, «дорогой», и, наконец,

решился. – Простите, леди, за такой вопрос нескромный, но не в обиду вам...как бы сказать-то поприличней....а вы-то, собственно КТО? А? – и с большим интересом посмотрел на натуральную блондинку.

Красавица поджала губы и обличающее сказала:

– Так, мне все ясно, опять ты с Нутерхопером напился и шатался по притонам, одно мне непонятно: что там такое есть, что нельзя здесь найти, во всем том, что видишь ты перед собою?

Вопрос был действительно на удивленье трудный и «дорогому» вдруг и в самом деле стало почти-что стыдно, хотя и неизвестно почему.

– А-а-а, простите, девушка, за откровенность, ну даже и не знаю, как бы мне сказать... ну как бы вот помягче...

– Ну-ну, смелее дорогой. – блондиночка, чуть кивая головкой, даже склонилась к нему для облегчения понимания и глядя доверчивым топазовым взором.

– Хорошо, вот вы, кто вы такая есть, ну, скажем так – по отношению ко мне?

Девушка внимательно посмотрела на мужчину, глаза ее неожиданно потеплели и, очаровательно улыбнувшись, и выпрямившись, словно от облегченья ситуации, она сказала нежным голосом:

– А по отношению ко мне, мой козлик резвый, я тебе сейчас доходчиво все объясню. Так вот, – если ты, янтарь мой драгоценный, и дальше будешь так напиваться со сво-

им дружком, то это, все еще одно. А вот если, не приведи, конечно же, бог Ра, я узнаю, что ты еще с ним и по шлюхам шляется, то я, – блондинка добавила ласки во взгляде и совершила невозможное увеличив нежность в голосе закончила нежно-нежно, – так вот, я ему всю харю расцарапаю вот этими ногтями, а этого богатства у меня столько, что и на твою долю достанется изрядно. Я все понятно объяснила, мой милый и невыразимо нежный котик? – девушка очень мило улыбнулась.

– Но, простите, это совсем не объясняет кто вы и кто я по отноше...

Девушка, не переставая ангельски улыбаться, неожиданно залепила звонкую оплеуху.

– А теперь... теперь понял, скотская скотина?

Сладкая идиллия на этом закончилась и блондинка, сверкнув топазовыми глазами, диким леопардом кинулась на скотину-дорогого, уронив где-то по дороге ангельскую улыбку, вцепилась в него и затрясла с такой яростью, будто хотела стряхнуть с него несколько плодов.

– Понял, мерзавец! – заверещала она как разъяренный павиан – я тебе покажу чужих сучек, понос дохлой гиены! (Ничего себе!) Я тебе сейчас яйца поотрываю на хрен!

Эту не шуточную угрозу светловолосая пантера, видимо, тут же решила привести в исполнение, правда, для начала вцепившись в волосы.

Ух, ты! Мать твою! Он, шипя от боли, ухватил ее за ру-

ки, и вся эта конструкция из двух тел свалилась на кровать, извиваясь, яростно суча ногами и сбивая постельное белье в живописный рельеф. Блондинка не переставая, верещала.

– Сволочь блудливая! Я еще узнаю кто это такая Нейтикерт! Что это еще за блядь такая! Я ей, суке драной, между ног огурец пупырчатый засуну, с чесноком вместе! Я ей, твари подколодной, покажу как с чужими мужьями блядовать! Кошка, блядь, драная!

Уяснив из последней фразы, что он, оказывается, женатый человек, человек несколько растерялся, но ситуация не позволяла провести достаточный анализ известия, неожиданная супруга трепала его, как обезьяна свиток папируса из будущей александрийской библиотеки. Прокатившись несколько раз по супружескому ложу туда-обратно, чета молодоженов свалилась на пол, и семейная сцена продолжилась там.

– Ты от меня, первой красавицы, блудить еще будешь, жираф безмозглый! – надрывалась первая красавица, а это по видимому, было недалеко от истины. – Я тебя, голь перекаатную, голым оставлю, забыл что все здесь мое – усадьба моя, барка наша, тоже моя и ладья моя и паланкин наш – он тоже мой! И ты со всеми потрохами, пока их Кебехсенуф не вынул, мой! Ты у меня с голой жопой по всей Черной Земле побежишь, как бывало раньше, шакал бесхвостый.

Вслед за известием о скоропостижной женитьбе, на человека вдруг свалилось сказочное богатство, но, однако, тут, же возникла и угроза потери его. Как-то многовато ока-

залось событий за малый временной промежуток. Прямо калейдоскоп сногшибательных новостей. Все это несколько мешало ему сосредоточиться на противостоянии визжащей... э-э... жене что ли? Однако, в процессе выяснения отношений, одежда постепенно покидала их, в частности, у молодой платье на груди распахнулось, все вылезло наружу и этого оказалось так много, что он удивился не менее, чем известию о своем семейном положении и возникшем из ничего богатстве.

– Ты эту дрянь трахал там в гробнице? Ну, говори, трахал эту суку! Святотатствовал на саркофаге сучий потрох! Тебе, что вот этих сисек мало? (а их и в самом деле было очень много) Ты, понимаешь, похотливая ты обезьяна, что мне только свиснуть и вся страна ляжет у моих ног? Ты что мне обещал, когда женился? Вспомни кто ты и кто я! У нас в Черной Земле, что принцессы, как навозные лепешки, разбросаны повсюду, что как ногою ступишь раз, так сразу и ступней в говно?

О, боги! Еще и принцесса! Ну, вот только этого как раз не хватало! А он уже примерялся дать ей хорошего леща. Пожалуй, что не стоит, от принцессы уж очень уж много будет визгу, которого и так не мало. Поэтому, в настоящем конфликте он выбрал тактику выжидания, справедливо полагая, что бесконечно это продолжаться не может и супруга (?), в конце концов, когда-нибудь, да устанет.

Произошло это, правда, намного позже, чем он ожидал,

блондинка оказалась очень выносливой, видимо по причине хорошей экологии в окружающей среде. И закончилось это несколько иначе, чем он предполагал.

Просто одна форма отношений начала плавно и незаметно перетекать в другую. Светловолосая красотка продолжала трепать и стискивать себя не помнящего, но движения приобрели несколько иной настрой, он даже не смог уловить границу перехода. Девушка вдруг стала плотнее прижиматься телом, дышать не отрывисто, а размеренно и глубоко, пальцы ее в его волосах раскрылись и перестали дергать и рвать, а просто сжимались и разжимались и бедра вдруг начали еле заметно двигаться взад и вперед. Блондинка, в этот момент находившаяся сверху, перестала терзать его, мечтательно запрокинула очаровательную головку вверх, полуоткрыла ротик, подвигала резко и отрывисто попойкой, прижалась посильнее низом живота, издала еле слышный «ах», с длинным выдохом, поднесла мизинец с длинным ногтем к глазу и, водя им, вокруг сказала, опять нежным, низким, страстным и протяжным голосом:

– Ну как, мой пупсик, освежилась твоя память?

– Да, понемногу начинает возвращаться, я кое-что уже припоминаю. – не стал отрицать вестник, хотя, честно говоря, ну ни хрена не помнил.

Острый ноготь впился в кожу рядом с глазом.

– Ах, какая жалость, что только кое-что и понемногу, а нельзя ль слегка убыстрить? А то ведь будешь на весь мир

теперь смотреть одним лишь глазом, да и то – зачем тебе всё видеть, если не все помнишь. Ну! Вспоминай быстрее! – последняя фраза была произнесена низким грудным голосом.

– Вспомнил, вспомнил, вспомнил! Нет, ну я очень хорошо всё вспомнил! Все прекрасно вспомнил! – еще бы он, б...ь, не вспомнил! А еще бы ты, мать твою, не вспомнил! Да я сам бы все абсолютно вспомнил, хоть не имею к этому ну совершенно никакого отношения.

– И, кто я такая, по отношению к тебе, сомнений больше нет?

– Ну, ни малейших, и дураку понятно, что жена. Кто же ещё такое учудит? Только ты, моя родная!

– И, мой, маленький, котик-мау, больше не забудет?

– Ну что ты дорогая, век помнить буду.

– Ну, так обними свою прекрасную коровку дорогую, обними свою любимую Исиду, о, мой возрождающийся Осирис.

(В то давнее время, слово «корова» не было оскорблением для женщины, ибо богини Исида и еще более древняя Хатхор (богиня золотой любви) имели своим символом корову и возглас – ну ты, блин, и та еще корова! – соответствовал – нежная, любимая и дорогая!).

Незлопамятная принцесса приникла к любимому мужу, благо и так лежала на нем, небесной синевы глаза оказались очень близко, но тут же в сознании возникли еще одни – полные густой черноты.

– Что ты сказал, мой лопоухий зайчик? – нежно спросила принцесса, тершаяся носом о нос супруга.

(Сие движение равнозначно нашему поцелую, то есть не нашему, а древнегреческому, ибо именно греки открыли для нас поцелуй, и не просто поцелуй, он существовал и ранее, а именно, поцелуй в губы).

– Молчал как рыба дорогая. – ответил он на всякий случай крепко обнимая жену (да, чёрт с ней!) за плечи и стискивая её руки.

– Вот, вот, так и делай дальше. – посоветовала суженная, не вполне, правда было ясно к чему относился совет, к фразе о молчании или к объятиям и несмотря на занятые руки слегка впустила супругу в спину ногти. – дорогой, пора заняться нам делами, не все же обниматься, давай-ка наведем порядок мы в хозяйстве.

На звук медной погремушки тут же явились три служанки, две занялись одеванием господ, а третья уборкой причудливо раскиданной кровати.

Супруг, которого не одевали уже давно, да пожалуй, с незапамятных времен счастливого детства, кои напрочь отсутствовали в его памяти, чувствовал себя страшно неудобно, поднимал неуклюже руки и все пытался сам что-нибудь завязать, надеть и накрутить. Принцесса искоса, но очень внимательно следила за его движениями и мысль ущипнуть за бочек, или шлепнуть служанку по попке, у него исчезла почти, что и не возникнув. Одевшись, супруги чинно спусти-

лись на первый этаж, нежно держа друг друга за руки. Весь люд, там находившийся тут же уткнулся головами в пол, издав лбами барабанную дробь.

Супруги уселись в два кресла и самый первый из лежащих, и самый толстый, приподнялся и полусогнутый осторожно приблизился к хозяевам. Человек с некоторой тревогой размышлял о том, как он будет отдавать распоряжения и еще кое о чем. В частности, его очень беспокоил один насущный вопрос, требующий срочного ответа.

Жену-то его как зовут?

Кто подсказал бы? Ну, че, никто не знает? Граждане? А? Первая проблема отпала сама собой. Выслушав доклад управляющего, хозяйка дома больше не дала никому сказать ни слова, и очень быстро привела дела в порядок следующим образом: не вставая с кресла, отхлестала по щекам морды управляющего из собственных ручек, тот стоял, смиренно согнувшись в пояснице, и вытянув вперед, для удобства госпожи, жирную харю и только жмурился, как кот, которого тычут мордой в обгаженные хозяйские тапки. Причем, принцесса хлестала управляющего правой рукой, а левую ладонь держала на руке супруга и, слегка поглаживала, а ласковая, черт возьми, у него женушка-то.

Затем, приказала дать палок всем старостам и выпороть с полсотни крестьян. Далее последовало еще десятка полтора распоряжений, отданных голосом богини Исиды, сошедшей с небес. И очень этим фактом недовольной. Где-то меж-

ду шестым и седьмым указанием, она повернулась к главе семейства и голосом маленькой девочки, выпрашивающей бантик, сказала:

– Дорогой, ты не забыл, что обещал сегодня покататься со мной на лодке?

– А может, дорогая, сходить мне лучше на охоту? – предложил супруг, стремясь выиграть время на осмысление ситуации.

– Конечно, дорогой мой, конечно, это лучше, – чтоб вечером вернуться пьяным и без дичи. Давай-ка все же лучше будет лодка и плавание по всяким рукавам, а также и протокам священного отца нашего Хапи.

Ближе к концу хозяйственных хлопот принесли папирус и передали хозяйке прямо в руки. Принцесса, прочитав, улыбнулась и, глядя сияющими глазами на главу семейства, сказала, с неподдельной радостью в голосе:

– О, дорогой, какая радость – в твоей гробнице все уже готово: и роспись, и рельефы, Ты очень рад любимый?

– О, рад это не то слово, я сейчас от счастья запыхаюсь, а впрочем, я как-то не очень-то туда и тороплюсь.

– Вот и прекрасно, сейчас мы прямо и поедем. Ты там распорядись насчет лодки, а я пойду, переоденусь и попудрю носик.

Усадьба молодоженов стояла в живописном окружении пальм, недалеко от реки, уже сильно обмелевшей, и к воде тянулся длинный настил, у конца которого и в самом деле

стояла упомянутая в недавней беседе барка, в окружении лодок разных размеров. Дворовая челядь усиленно кланялась господину, вышедшему во двор со словами:

– Здорово, мужики. – а увидев что вокруг не только мужчины добавил. – Привет девчата.

Осмотрев флотилию, он раздраженно сплюнул, что-то пробормотал, затем что-то прикинул и приказал двум полусогнутым, шедшим за ним по пятам, позвать плотника. Долго ему объяснял, размахивая руками в воздухе, а затем, рисуя на песке, затем кликнул управляющего, тот прискакал тяжелым галопом, трясая щеками, и господин принялся втолковывать ему, тот быстро кивал головой и пучил глаза и раскрыл рот, ставши похожим на удивленного бегемота. Втолковывать пришлось долго и пришлось бы еще дольше, если бы господин не треснул, подвернувшейся палкой, по голове и того и другого. После такого аргумента, египтяне перестали вздевать руки к небу, ссылаться на предков и зывать к богам, и принялись за работу, а вот работать, стервеццы, умели как никто, и это не заняло очень много времени.

Как раз дорогая принцесса успела напудрить свой курносый носик, по поводу чего странник и не беспокоился, ибо знал, что время уделяемое женщиной своей внешности прямо пропорционально этой самой внешности. Сие явление называется парадоксом красоты. Чем эффектней и безукоризненней внешность, тем более тратится времени на ее улучшение.

Паланкин с хозяйкой появился в тот момент, когда все было закончено. Сооружение поднесли по качающемуся помосту прямо к причалу, где выстроились участники научно-технического прогресса, со смиренным отчаянием ожидавшие от хозяйки оплеух, палок и плетей в зависимости от социального статуса. Откинулась занавеска и, свесив ноги, прекрасная половина своего супруга с любопытством уставилась на лодку, с высокой мачтой и двумя треугольными парусами. Выглядела супруга великолепно: брови, подчеркнутые сурьмой, доведены до висков, глаза подведенные и снизу и сверху двумя линиями до самых ушей, отчего яркие топазовые глаза стали еще синее и ярче, прекрасно очерченный рот с ярко накрашенными губами, волосы заколотые с одной стороны зеленым нефритовым гребнем, демонстрировали маленькое ушко, а с другой стороны падали свободно, на левом запястье сиял серебряный браслет на котором сидел нефритовый же черный скарабей, держащий в лапках золотой шарик, на левом же мизинце перстень с крупным красно-белым сардониксом, платье, дорогая, надела белое, редко прошитое золотой нитью, отчего по нему, иногда пробегала золотая искорка, на ножках сияли золоченые сандалии, и завершала прогулочный ансамбль, сошедшего с небес ангела, хвостатая плетка, которую ангелочек, не без изящества, держал в точеных пальчиках.

– Дорого-ой, – пропела она, – а что это ты сделал с нашей лодкой? Как же теперь мы поплывем?

– Мы не поплывем, мы почти что полетим, дорогая моя лань.

Дорогая лань изящно подала руку и позволила вынуть себя из носилок и поместить в лодку. Слышимый выдох облегчения пронесся над священным Хапи.

– Всем работавшим – пива – приказал господин управляющему и добавил вполголоса. – Кстати, и я б не отказался, ну-ка сообрази-ка что-нибудь по-быстрому.

– Дорогой.

Вот ведь зараза!

– Дорогой, ты разве не возьмешь свой лук?

– Возьму, конечно, ну, в самом деле, куда же мне без лука!

– А копьё? Копье-то, наверно, ведь тоже пригодиться.

– А без копья вообще я как без рук.

– Ну, так возьми, они в моих носилках, мой пушистый, ласковый и нежный мау.

Нет, офигеешь от здешних женщин – идет на прогулку и берет копьё и лук для мужа – так приблизительно подумал супруг, вытаскивая из носилок оружие и втихаря приложившись к вовремя принесенному пиву, подмигнув при этом плотнику и управляющему, а так же и всем остальным рабочим. Может заодно уж, и спросить, как зовут хозяйку? Нет, неудобно как-то. Да как же мне узнать-то твое имя, моя сладенькая пичужка. Хотя сладенькая ли, я и этого ещё совсем не знаю.

– О, сладкий, мой Осирис, ты чем это там занят? Такое

впечатление, что кто-то пьет там пиво большими очень уж глотками. Давай быстрее, мне не терпится узнать, как все это поплывет.

Сладенькая, хотя ещё-то и не пробовал, расположилась ближе к носу на узорчатом покрывале, вытянув длинные стройные ноги и оперевшись на локоть. Супруг спрыгнул на корму, упруго покачнув лодку, оттолкнулся веслом и поднял паруса. Лодка сильно накренилась, поймав парусами северо-восточный ветер, принцесса взвизгнула, чуть не свалившись за борт от неожиданности, и раскрыла алый ротик, из которого уже высовывались: облезлый павиан, дохлый шакал, смердящий бегемот и многие и многие другие, но смогла произнести только: «А...х...», как дух у нее захватило и даже «х» осталось во рту. Лодка понеслась со скоростью еще не виданной от сотворенья мира. Принцесса посмотрела на буруны, поднимаемые носом судна, затем внимательно взглянула на дорогого и сумма наблюдений выразилась в неожиданном броске на своего мужа, от которого они, теперь уже оба, чуть не свалились за борт и в восторженном визге:

– Дорогой, какой ты у меня, оказывается, мудрый!

– Вот это мне совсем не трудно, моя песчаная лисичка.

Лисичка (песчаная?) расположилась с милой непосредственностью у него на груди, основательно заслонила фарватер соломенной копной волос, и произнесла загадочную фразу:

– Люби меня, мой дорогой, и весь мир ляжет нам с тобой под мои золотые сандалии.

– Я вообще-то босиком люблю ходить. Очень полезно для здоровья.

– Ну, это я исправлю.

Течение в реке было тихое и спокойное, лодка почти летела по воде как взлетающий лебедь, оставляя за собой два буруна и завихрения за кормой. С западного берега приближалась громада пирамиды, почти до середины высоты облицованной черным камнем, а далее, до самого золотого навершья, белым моккамским известняком.

– Взгляни, мой дорогой, – почему-то шепотом сказала принцесса, – на высоту Джедефра, это не самая высокая из пирамид, но в, то, же время, она выше всех. Ты понял, о чем я говорю?

– Думаю, что понял.

– Вот и славно, что мы друг друга понимаем с полуслова, я думаю, что сами боги заключили наш союз. Нас ждут великие дела, только ты об этом до сих пор еще не знаешь.

Да у кого же узнать-то твое имя, моя богатая, красивая и умная жена, и где этот брак заключился, даже без формального вопроса о согласии сторон. И ещё узнать бы, откуда ты взялась, так неожиданно и бурно, будто гроза в пустыне. Не принимать же, действительно, как данность, что я женился на этой прекрасной стерве, когда из всей супружеской жизни в наличии только вот этот день, а точнее – толь-

ко утро.

Тем временем лодка, невзирая на нелегкие размышления кормчего, в короткий срок преодолела реку и уткнулась носом в заиленный песок, усеянный подгнивающими водорослями. Лодку принцессы ожидала толпа рабочих, будто мукой обсыпанных белой каменной крошкой и носилки. Супруг, не освоивший ещё аристократические привычки, взял супругу на руки и понес к носилкам, почти по колено, утопая в прибрежной грязи.

– Фи, дорогой мой, что за босяцкие манеры, ходить ногами, да еще своими, по прибрежной грязи! А для чего тогда нам слуги и для чего рабы?

– Ну, это просто от высоких чувств-с к моей супруге.

– Охотно верю, но теперь уже в мои носилки ты со мной не сядешь.

Он, конечно, вымыл ноги, но в носилки не сел, а пошел рядом, с ощущением, что он уже шел так рядом с египетской девушкой, но только сидящей на осле, а не в паланкине. Но все это было в какой-то другой жизни и то, что происходило сейчас, тоже не факт, что происходит с ним. А где оно, то настоящее, он несколько растерялся и определить не мог. Может все ему приснилось? Была очень реальная жена, невесть откуда свалившаяся ему на голову, но очень уж реальная, особенно, если судить по лексикону и оплеухам. Вот это – та еще стервоза!

Жена! Хм! Ну-ну. И главное без имени. Где ж умудрился

он этакую дрянь найти? И постоянно сбивает с мысли, работает на алогизмах и не дает опреде...

– А о чём задумался мой ослик? – из-за занавески высунулась ножка в сандалии и потыкала задумчивого супруга в бок. – Чего это он там копытцами своими машет и смотрит в одну точку, будто на торбу с ячменем? А? Дорогой? Ну, вот мы и пришли, нет, ты только посмотри какая прелесть, эта самая твоя гробница!

Вот непонятно – она издевается, или что?

А гробница и вправду была прелесть, прямо древнеегипетский ампир. Явно к проекту приложила руку женщина и, он обернулся на паланкин, ясно какая, мужик столько цацек и финтифлюшек на фасаде вряд ли бы по навешал. Она, вот та самая, уже стояла рядом и держала его за руку.

– Идем же дорогой. – потянула он его внутрь.

– А что мне уже пора ложиться? – спросил он, спускаясь по ступенькам в темноту и размышляя о том, что нечто похожее уже было.

Уже вроде он сходил по ступенькам в мир теней. И что-то ужасное там произошло.

– Ха-ха-ха! Какой, мой лопухий ослик, остроумный. Вот, посмотри, какая красота, видишь – мы и в Стране Заката будем вместе.

Стены гробницы, как водится, были расписаны сценами из его земной жизни, с соответствующими пояснениями о берущей за душу праведности оной. Жenuшка взяла у од-

ного из рабочих факел и, улыбаясь домашней улыбкой, водила пальчиком по изображениям и иероглифам. Странник, читавший вместе с ней, вдруг тоже улыбнулся, обнял жену за талию и сказал весело и с облегчением:

– А неплохой он парень, судя по всему, этот самый господин Джедсегер со своей госпожой Имтес, смотри-ка ты: не грабил и не убивал, не отнимал и даже никого не обездолил. Мне нравится, хороший парень! А женушка так просто прелесть!

Великий боже, вот это фокус! Неужто, это та самая Имтес? – это уже он так подумал. – Но та должна быть много старше. Нет, не должна! Вот это-то и объясняет все и рога у престарелого владыки и наказание с лишением не только пирамиды, а и вообще какой-либо гробницы. Но послушайте, ту Имтес, должны были наказать более жестоко. Быстрее всего смертью – за измену – смерть! А эта вот перед ним стоит и читает надписи на своей гробнице. И на его гробнице. Имтес на стене крепко держала своего настенного супруга за руку, стоя впереди него и величаво смотрела вдаль, но и искоса посматривала со стены, синим глазом на странника живого.

– Вот видишь, милый, я тебя и там не оставляю и не оставляю. – сказала, наконец-то, определенная жена.

Поднимаясь вслед за ней по крутой лестнице, он с новым интересом рассматривал находящуюся прямо перед его лицом попку и длинные стройные ноги жены, кстати, все

это двигалось таким образом переливаясь, справа, налево, и, сверху, вниз, что было понятно – хозяйка этого всего прекрасно знает, куда там сзади смотрят. Как же узнать – та это Имтес или не та. Не спрашивать же у нее. Хо-хо! Вот было б визгу!

Кстати, а может и не за адюльтер, а просто, за милый и покладистый характер осерчал и на хрен выкинул ее владыка? Нет, ну, в самом деле – такой ангелочек и без всяких измен достанет кого угодно. Лично он владыку Пеопи очень понимает. Такое сокровище, да на склоне лет! Да, с супругой явно повезло и даже сильно подфартило. Что ж это за девки тут у них в Египте! Неудивительно, что в случае войны, такие вот не сидели дома, в крепостях, а таскались с войском, так мало этого – они еще и в драку лезли, курицы такие – все еще думал он, перемещая длинноногое сокровище из носилок в лодку.

Сокровище доверчиво обнимало его за шею и не отводило сияющего взгляда, не подозревая о черных мыслях в голове супруга, хотя... черт ее знает! Губки-то, крашенные, вон как кривит.

Однако следовало угостить жену обещанным катанием на лодке. Когда ж это он успел пообещать? Впрочем, против прогулки он и сам не возражает, кроме того, чего уж скрывать, прогулка с такой эффектной дамой очень приятна, на нее даже просто посмотреть, уже есть удовольствие немалое, а даже и большое... Правда, желательно бы, для полной

гармонии засунуть ей в рот что-нибудь, кляп имеется в виду, и связать бы за спиною руки.

После первой эйфории по поводу расшифровки исторической личности свалившейся на голову супруги, он вдруг сообразил, что узнал и собственное имя – Джедсегер. И какие-то смутные ассоциации и оно у него вызывало. Звучит на удивление глупо, – но он его уже где-то слышал. Джедсегер – говорящий молча. Где же это они встречались? Впрочем, сосредоточимся на романтической прогулке с таинственной супругой.

Глава вторая. Пикник с крокодилами

Что бы ни морочить голову и не идти в крутой бейдевинд, вестник спустил парус и предоставил лодке плыть по течению, чуть подгребая веслом. Имтес опять расположилась на носу и, свесив одну руку за борт, чертила пальцами по воде.

– Дорогая, а ты не боишься крокодилов?

– Нет.

– А почему?

– Подавятся на хрен.

Сколько же ей лет этой самой жене. Не двадцать, это точно. Наверное, около тридцати, а может и все тридцать пять. Самый верный признак – сеть морщин у глаз скрыт слоем краски, брови, и глаза по моде подведены сурьмой к самым ушам. И взгляд сине-голубых глаз в густом черном обрамлении становится очень уж пристальным и сияющим. Щеки нарумянены, а губы накрашены. Короче сам черт не разберет, сколько ей лет. Хотя о чем тут думать, судя по фигуре и легкости движений не много, тем более удивительно, когда успела сформироваться такая выдающаяся стервоза. Наверное, это дар от бога. Прошу прощения, от богов.

– О чем это ты, мой милый.

– В каком смысле.

– Ты что-то говорил, я пропустила.

– Я говорил, что ты прекрасна, как лотоса цветок с хрустальной капелькой воды на лепестках, в розовых лучах родившегося вновь Хепри.

– О, дорогой! Да ты просто поэт! А как еще?

– Еще прекрасна, как прохладный ветерок, в палящий зной ласкающий все тело. Вот где-то, но очень приблизительно, конечно, так вот.

– Ах, ах, ах, я таю, таю, таю. Совсем растаяла уже.

Алый ротик мечтательно приоткрылся, а синие глаза плеснули в Джедсегера нежностью. Однако он уже знал, что чем больше нежности во взгляде этого синеглазого чуда, тем оно опасней. Что там на самом деле за этим взглядом догадаться очень трудно. Это не женщина, а какое-то минное поле с беспорядочно разбросанными минами и, видимо, для самого минера взрыв каждой – тоже неожиданность большая. В общем, наградили боги стопроцентною женой, такую поищи еще мегеру!

Лодка, направляемая Джедсегером, вошла в севеннитский рукав Нила и влекомая слабым течением, углублялась сплетение протоков, каналов, озер и островов. Кое-где вода отступала от стены прибрежных зарослей, образуя песчаные пляжи или полосу подсохшего ила с гниющими водорослями.

Иногда лодка плыла под самой стеной папируса, нависаю-

щего над влюбленными супругами многочисленными звездчатыми верхушками.

В прозрачной воде виднелись водоросли, среди которых в глубине поблескивала чешуей рыба, возле поверхности плавали многочисленные мальки, выпрыгивающие из воды при движении рукой или веслом. Иногда, у самой поверхности, вверх брюхом проплывали усатые сомики, собирающие круглыми ртами готовившихся вылупиться личинок комаров. По мелководью бродили черноголовые ибисы, сверкающие фиолетовым отливом перьев, прикрывающих хвост, и гнутыми клювами вытаскивающие из ряски лягушек. Чинно задирали голенастые ноги белые цапли, щеголявшие ажурными рассученными хвостовыми перьями – предметом зависти любой модницы во все века. Суетилась прочая птичья мелочь: кулики на берегу, водяные курочки в зарослях, утки на воде.

Джедсегер, неторопясь, подгрребал веслом, изредка стряхивая цепляющиеся водоросли. Иногда, при повороте в очередную протоку из воды поднималась голова бегемота с радушно раскрытой пастью, увешенная травой. Тогда он отгробал назад и искал другой путь.

– Разве, мой котик, не хочет поохотиться. – спрашивала в таких случаях ласковая женушка делая невинные глаза.

Кое-где на отмелях в живописном беспорядке валялись туши крокодилов, принимавших солнечные ванны с раскрытыми пастьями. Джедсегер грозил им веслом, нудистам хре-

НОВЫМ.

– Дай им дорогой, дай, как следует. – азартно подскакивала воинственная подруга. – Выстрели в них из лука, метни в них свое копьё! Стукни по тупой башке веслом!

– Как можно, дорогая, в священное-то животное. – пытался урезонить агрессивную жену правоверный египтянин Джедсегер.

– Ах, какая жалость! Ну, раз, мой котик, такой религиозный, давай поищем что-нибудь не священное.

– А разве есть у вас такое?

– Да, найти, конечно, будет трудно, но попытаться надо, давай поищем, а то ты что-то не охотишься совсем.

– Может лучше я нарву тебе цветов, дорогая, смотри какие тут чистойшей белизны белые нимфеи и нежной небесной синевы синие лотосы.

– Дорогой, мне очень хочется, чтоб ты чего-нибудь да подстрелил. Мне очень нравится смотреть, как ты берешь свой лук, как тянешь тетиву, как целишься и как стреляешь, у тебя при этом такой жесткий, даже жестокий и свирепый взгляд, что каждый раз я в тебя влюбляюсь снова и вот прямо сразу же, ну тут на месте, хочу тебе отдаться.

– Так может быть мы с этого-то и начнем. – постарался придать мыслям воинственной супруги несколько иное направление Джедсегер, думая о том, когда же это он успел продемонстрировать подобную свирепость при стрельбе из лука и самую стрельбу.

– Конечно же мой похотливый, дикий Немур, мы и начнем и продолжим и даже кончим. Оба! Но, сначала, выстрели во что-нибудь, а потом и я возьму твою огромную и длинную стрелу, в свои руки, и тоже в цель направлю, и думаю, нет, я просто уверена, что не промахнусь. Вон, смотри-ка, прямо, как нарочно, гуси. – добавила она шепотом. – Или быть может, ты хочешь выследить какого-нибудь беглого раба? Давай пристрелим какую-нибудь черную или белую скотину!

– Какие гуси, мой священный лотос, они все давно уж улетели туда назад, на север. – Джедсегер показал рукой вперед по течению реки.

И увидел стаю длинноногих гусей, с неестественной быстротой перебирающих розовыми лапками и бегущих по берегу к воде.

– Стреляй, стреляй же! – закричала Имтес, подскакивая и хватаясь руками за борт.

Но господин Джедсегер и так уже схватил лук и послал первую стрелу, дав солидный промах, ибо не учел быстроты бега странных гусей.

– Ах! – вскрикнула азартная принцесса так, будто только что лишилась девственности, и супруг сразу же почувствовал кое-что у себя внизу после такого аха.

Тут же полетела вторая стрела, а за ней и третья и две птицы забились на берегу, разбрасывая перья, а вся стая домчалась до воды и с разбега нырнула, исчезнув из мира, но в глубине воды были видны их призрачные силуэты.

С первым же попаданием Имтес завизжала от восторга:

– Дорогой! Это же священный гусь! – и кинулась, раскачивая лодку, к супругу.

Тот едва успел подхватить экспансивную женушку, подхватить-то он её подхватил, а вот равновесие, как раз наоборот, потерял, на что Имтес и не обратила внимания, продолжая страстно обнимать и с наслаждением покусывать супруга в грудь и шею. Со стороны это выглядело очень странно – они ласкали друг друга и в тоже время постоянно теряли равновесие и из-за этого беспорядочно размахивали руками, от чего лодка раскачивалась все сильнее и сильнее.

Однако, несмотря на всяческие судорожные взмахи, неожиданные качки, наклоны и приседания, намерения у Имсет были самые что ни на есть серьезные. Она прилипла к мужу всем телом, и он беспомощно барахтался в ней, как муха в сиропе, из последних сил пытаясь сохранить равновесие. Руки ее обласкали уже все что можно и теперь нырнули с необычайной ловкостью куда нельзя и, хоть супругу было вроде бы не до этого, нашли там то, что искали в полностью готовом состоянии.

– О, дорогой, какой у тебя упругий лук, как он натянут туго и какие длинные у тебя тут стрелы. – прошептала, она пробежав пальчиками от начала до конца и, нежно обхватив, осторожно пощекотала ногтем чувствительный треугольничек.

– Дорогой, – она сделала большие глаза, – а он у тебя жи-

вой, я чувствую, как он дышит у меня в руке.

Еще бы он был не живой в сжимавших, отпускавших и гладивших его пальцах, тем более что ласки были разбавлены судорожными движениями тел, сохраняющих равновесие. Принцесса одной рукой обнимала супруга за шею, а другой продолжала своевольно хозяйничать там, внизу, и Джедсегер уже решил было, что именно этим все и закончится, потому что там все уже достигло твердости бамбука и, по-видимому, размеров баобаба и скоро должно было просто разорваться. Однако более всего он боялся, что свалиться сейчас за борт, оставив в руках Имтес, пусть не самую большую, но очень важную свою часть организма. Поэтому, и только поэтому, он тоже обнял принцессу, глядя по волосам, но как-то вдруг одна рука подскользнувшись, соскочила вниз и остановилась на упругой попке, с неторопливым наслаждением глядя ее круговыми движениями, другая окольными путями, снизу подобралась к тяжелой груди и обняла ее раскрытую ладонью, ладони, кстати, не хватило, но блаженства от осязания перекатывающегося в руке плотного объемистого тела, от этого меньше не стало. Принцесса ахнула очень нежно и беззащитно и начала приставывать на вдохе коротко и на выдохе протяжно. Синие глаза прикрылись наполовину насурьмленными черными веками и светились из этой черноты узенькими полосками.

– О, дорогой. – стонала принцесса, прижимаясь низом живота. – у тебя здесь целая булава, с большой каменной на-

садкой и она даже стала толще рукоятки.

Предположения Джедсегера о том, что все кончится более или менее невинным способом, не оправдались. Имтес решила довести все до конца, да и чего можно было еще ожидать, если и ее тело уже сотрясала дрожь желанья. Повидимому, впервые он мог быть уверен в абсолютной искренности многоликой принцессы. Имтес оставила ненадолго свою игрушку, но лишь для того чтобы приподнять платье. Оно медленно поползло вверх, открывая длинные ноги и изящную попку. Правая нога принцессы грациозным движением обвила странника за поясницу, ладонь вновь ухватила плотное, тугое, напружиненное тело и поднесла к своему нежному, влажному входу готовому раскрыться навстречу ждущему с нетерпением своего гостя. Но принцесса пока только осторожно водила по створкам той самой неожиданно найденной булавой и издавала стоны хрустальной чистоты. Затем сама начала вращать вокруг пульсирующего наколечника, но с каждым кругом чуть продвигаясь вперед и ее створки постепенно раскрывались, готовые обхватить плотно и втянуть в себя почти каменное тело. Губы ее шептали нечто содержательное типа:

– О, о, о, дорогой, а-а-а, ой, ой, мой дорогой, ах, ах, ах, АХ!

Она с силой двинулась вперед, желая, видимо, что бы все вошло в нее сразу целиком и до самой середины и надавила ещё поднятой правой ногой на поясницу супруга, а тот держа

ее обоими руками за попку тоже дернул на себя, потому что чувствовал, что ещё чуть-чуть- и он разлетится на куски.

Ну, так вот, дальше.

Вот, если бы они стояли бы вдвоем на четырёх ногах, то над древним Хапи сейчас летал бы двойной крик наслаждения, и то полное и твердое сейчас пульсировало бы внутри принцессы в самом её центре.

Но фигу!

Супружеская пара то стояла не на четырёх, а на трёх ногах и в качающейся лодке и посему двойной крик над древним Хапи полететь-то полетел, но это был скорее крик удивленья и легкой досады потому что:

– ААААХ! – и милующиеся голубки полетели в воду, причем в том же положении что и стояли: нога Имсет обнимала супруга за поясницу, а тот держал её за попку обеими руками.

Была ли какая-либо его часть внутри принцессы? Очень может быть, что да. А может быть и нет. Пока что не известно.

Произведя громкий всплеск, парочка скрылась под водой, а ей взамен из воды с перепугу выскочило несколько крупных рыбин и среди них, два крупных жереха, а из зарослей папируса взлетела стая ибисов. Но к счастью, оказалось мелко, воды было по пояс, и оба тут же вынырнули.

Однако неожиданное купание совсем не охладило пыл принцессы, и она тут же, извиваясь как русалка, и загребая

руками, преодолела пару метров их разделяющих и вновь прилипла к возлюбленному. Соломенные волосы облепили ее тело, краска стала слегка подтекать, а разгоряченная Имтес шептала, обнимая Джедсегера за шею и забираясь на него:

– Ну, давай, стреляй, мой дорогой, всади в меня свою стрелу, пронзи меня насквозь до сердца! Быстрее же, быстрее, а то я сейчас умру, изнемогая!

Впрочем, говорила это принцесса чисто для эстетического оформления, потому что и сама, обнимая суженного за талию уже двумя ногами, прекрасно прицелилась и уже садилась вниз, как раз туда, куда и нужно, яростно вращая попкой.

Но тут, уже совсем некстати, рядом в воде объявилась крокодилья морда и не остановилась просто посмотреть, то ладно бы, не жалко, а стала весьма подозрительно приближаться с непонятной целью.

– Убей! – оглушительно завизжала Имсет и из зарослей, от этого вопля, вылетела еще одна стая серпоклювых ибисов. – Убей, эту священную тварь! Убей ее! И трахни же, наконец, меня!

Джедсегер кинулся к лодке, с по-прежнему сидящей на нем женой, не трахнутой до сих пор, но лодка величаво покачиваясь, степенно уплывала прочь по течению.

Пришлось, спотыкаясь, выбираться из воды, у самого берега странник запнулся за корягу, и на берег они вылете-

ли поодиночке и, схватившись за руки, отбежали от воды подальше. Принцесса в прилипшем к телу платье, с мокрыми волосами и подтекающей косметикой выглядела великолепно. Она судорожно подвигала плечами высвобождаясь из платья и являя миру весьма объемистую грудь, оттягивающуюся вниз под собственной тяжестью, с торчащими в стороны крупными розовыми сосками, затем легла на левый бок подтянула снизу платье к талии засияв на солнце длиннющими и белыми ногами и тем, что там повыше, согнула правую ногу в колене, оперлась на левый локоть и дернула правой рукой к себе супруга.

– Быстрее, дорогой, быстрее, а то твоя песчаная лисичка сейчас растает без остатка!

Вот этого, конечно, допустить было нельзя ни в коем разе. Джедсегер встал на колени и Имтес, глядя на супруга сияющим небесным взором сквозь черные потеки краски, почувствовала движение твердого и толстого между ног и оно уже упиралось в ее створки, готовясь их раздвинуть и войти, и она уже постанывала и готовилась издать крик наслаждения, а руки странника взяли ее за талию, но что-то защекотало ее грудь и она, отведя с трудом взгляд от своего дорогого, увидела на песке прямо перед собой какую-то тварь.

– Это что такое, дорогой? – спросила она, с удивлением поднимая за хвост двумя пальцами маленького крокодилчика.

Джедсегер осмотрелся, передернулся и сказал ровным го-

ЛОСОМ:

– Снимай-ка платье дорогая.

– О, мой дикий ненасытный зверь, оно тебе ни капли не мешает, входи скорей в меня, иначе пожалеешь, что родился!

– Оно не мне, оно тебе мешает, увы, с любовью нам, все-таки, придется подождать, как это и не грустно, иначе нас с тобой сейчас будут с аппетитом кушать. Или быть может даже лопать, а может быть и жрать – это уж как угодно.

Он рывком поставил на ноги принцессу, вздумавшую не к месту активно сопротивляться.

Но не долго. Оказывается, они расположились заниматься любовными играми в крокодильем детском саду. Вокруг них ползало множество маленьких крокодильчиков, а их, пардон, маман, та самая, что пыталась объяснить им, еще в воде, нежелательность постороннего присутствия, уже подбегала к ним на приличной скорости и с разинутой пастью.

Имтес мигом выскочила из платья, и они помчались по берегу вслед за уплывшей лодкой. Джедсегер тащил за собой за руку неудовлетворенную принцессу, у которой явно испортилось настроение, что при ее чудном характере обещало впоследствии много интересного, правда в настоящий момент она довольно-таки резво перебирала своими длинными ножками и задорно болтала сиськами.

Супруг смотрел на это с сочувствием – нелегко, наверное, бедняге бежать с такую тяжестью. Однако он не забыл, про-

бегая мимо, подхватить левой рукой подбитую дичь.

– Моя дорогая умеет плавать? – спросил супруг супругу, с вожделением глядя на лодку уплывающую вдаль.

– Дорогая-то умеет, а вот тебе, мой дорогой, лучше, наверно, сразу утонуть, такое вот у меня сегодня настроенье.

– Ну, с этим мы уж после разберемся, потому что совсем не факт, что вообще мы доплывем до лодки. Змеи, крокодилы, бегемоты, электрические сомы...

– Мой дорогой, а в таком случае настроение мое ухудшилось еще сильнее, хотя и так уж было донельзя плохое и это все из-за тебя мой светлый сокол, вот объясни-ка, как такое может быть, что ты, даже с трех попыток, не смог красавицу и лапоньку жену разок хотя бы трахнуть, знаешь, я начинаю думать....

Мысли принцессы, однако остались на тот момент неозвученными, потому что Джедсегер, видя бесперспективность начинающейся дискуссии, просто взвалил дорогую на плечо и бросился с ней в воду под возмущенный вопль супруги. В воде она слегка притихла, но лишь потому, что вынуждена была плыть, старательно шлепая руками по воде и отплеываясь, шипя и бормоча что-то невразумительное:

– Ну, дорогой... тьфу, тьфу... ты... кхе... у меня... еще... да, тьфу же!

Джедсегер, плывя рядом со своим сокровищем, держа в одной руке двух подстреленных священных гусей, а в другой платье принцессы, оглядывал с надеждой реку, а не по-

везет, ли встретить крокодила или бегемота, может, чем черт не шутит, проглотит кто-нибудь свалившееся ему, как-то вдруг, на голову счастье. Нет, не повезло, однако. Он залез в лодку и хотел помочь своей драгоценной, но та с раздражением оттолкнула руку, забросила на борт ногу, как только что забрасывала на возлюбленного мужа, и перевалилась в лодку, продемонстрировав курчавый золотистый треугольничек внизу живота. (Гляди-ка ты и вправду натуральная блондинка). Затем в молчании проследовала на нос и занялась мокрыми и спутавшимися волосами. Джедсегер же поднял парус, и лодка заскользила по водной глади в обратную сторону.

Имтес, раскидав по плечам волосы, улеглась на живот, презрительно повернувшись к мужу спиной и всем тем, что ниже и, положив подбородок на ладони, вперед смотрела и угрожающе молчала. Он тем временем рассматривал необычных гусей. Птица была на удивление стройна и высоконога, видимо этим объяснялась необычная скорость бега, грудь желтая с белыми и черными волнистыми полосками, спина серо-черная и черные крылья, отливающие зелено-фиолетовым на солнце, а вокруг глаз розовые очки. Затем он перевел взгляд на сердиту, со спины, жену. Все же хороша, стервоза, правда тут же откуда-то возникла фигура другой женщины, в том же ракурсе, в смысле со спины, с клубящимися как грозовая туча черными волосами, с оливковой кожей светящейся сквозь густую гриву, с телом налитым

молодостью и с плавными и сильными движениями. Женщина повернулась величаво, словно львица, и глянула на него, так же по львиному, пристально, испытывающее и строго. Джедсегер тряхнул головой и наткнулся на полный подозрительности взгляд сине-голубых глаз. Имтес через плечо холодно смотрела на своего котика.

– А что же моя кошечка молчит? – спросил он, решив наладить семейные отношения. – Наверное, она устала?

– У твоей кошечки все внутри болит и виновен в этом ее котик, а посему у кошечки есть настроенье поцарапаться вот этими вот коготочками. – она показала какими, выставив вперед скрюченные пальцы. – Очень хочется воткнуть их моему котику прямо в морду, противную и наглуую и... и бесполезную.

– Разве кошечка забыла, что их хотели проглотить, обоих одним махом?

– Для моего котика это был бы еще не самый худший вариант, а мне туда теперь что – пальчик сунуть, что ли? – она погладила курчавую шерстку ладонью. – Давай я так и сделаю, а ты посмотришь, раз уж сам не в состоянии хоть что-нибудь и хоть куда-нибудь засунуть. Нет, вот почему ты никак не можешь сделать то единственное, для чего ты мне и нужен, ведь при желанье я....

Ну, в общем, далее все пошло-поехало в этом направлении. Содержательный разговор был несколько разбавлен легким бегом лодки, брызгами воды залетающими в нее, стаями

птиц, летающих и разгуливающих по берегу, рыбой выпрыгивающей из воды, цветущими лотосами и водяной гречихой. Супруга, сама прекрасная как лотос, продолжала анализ негативных качеств мужа до самого поместья, но поскольку нежных ноток в ее голосе пока не звучало, супруг и не беспокоился. Имтес надела высушенное платье и вышла из лодки, все же подав мужу руку, но другой держась за низ живота, очевидно чтоб благоверному стало как можно более стыднее.

«Нет, – подумал Джедсегер, – в самом деле безобразно получилось, надо ее срочно отлюбить по-всякому и по возможности везде, а то неудобно получается – если не хотел, – то не надо было и тискать даму». Но кто ж мог ожидать такого бешеного темперамента, вот что такое здоровая экология.

Нерастраченная сексуальная энергия несколько вылилась из принцессы в виде некоторого количества плеточных ударов слугам, недостаточно быстро, по ее мнению, прибежавших с носилками на причал, хоть они и стояли на причале в момент прибытия. Но для Имтес это были частности, отлупив собственноручно нерасторопных бедолаг, она почувствовала себя несколько лучше, по крайней мере, физиономия ее раскраснелась. Поднимаясь по ступенькам в дом, она бросила через плечо своему котику:

– И займись же, наконец, хозяйством, может хоть что-нибудь у тебя, сегодня, выйдет.

И вздернув высокомерно подбородок и, слегка, отставив

попку, пошла наверх, демонстративно ею виляя. Джедсегер с усилием подавил острое желание догнать супругу и всыпать ей горячих по виляющей части организма и отправился «по хозяйству», тем более что оно его сильно интересовало, главным образом возможностью хлебнуть холодненького пивка после дневной жары. Кроме того трехкратный любовный облом сказывался и на нем, не только у некоторых внизу болело, а и у всех остальных тоже.

Переглянувшись с ушедшей мордой управляющего, он понял, что вопрос с холодненьким пивком, в общем, не вопрос.

– Ну ты это, давай, показывай: где тут у тебя что и как. – отдал он двусмысленное и не вполне ясное приказание, а чтобы немного его конкретизировать подмигнул.

Мужчина всегда поймет мужчину, даже древнеегипетский, и ушедшая морда управляющий явно понял господина Джедсегера, но вел себя как-то странно: усиленно кланялся, вертелся, будто ему под схенти засунули ужа, кхекал, покашливал и усиленно вертел глазами. Господин посмотрел в направлении расплывчатого взгляда слуги и узрел в окне второго этажа свою драгоценную, внимательно и строго смотревшую на них.

– Ну, так вот я и говорю, – произнес он громко, – давай-ка проверим записи, что там сегодня собрали, сколько винограда, инжира, фиников и лука, что завтра будем продавать и что надо прикупить.

Но, поскольку дорогая женушка, все равно маячила в ок-

не и явно не собиралась покидать наблюдательный пост, он добавил:

– Я – в мастерские к плотникам, туда и принесешь бумаги... э... папирусы.

С первым же шагом в сторону сверху очень мелодично и нежно пропели:

– Дорого-о-о-ой!

Вот гадюка.

– Да, моя сладенькая виноградинка?

Виноградинка, молча, смотрела, правая рука ее, кстати, была опущена вниз и скрыта подоконником. Уж не мастурбировала ли она на самом деле? Но тут Имтес подняла эту руку и помахала супругу.

– Дорогой, а ты опять кое-что забыл. Как же ты будешь управлять хозяйством?

– Ну, я собирался всех ошеломить силою своего мышления, мой лунный лучик, на священных водах Хапи.

– Ах, так вот. Я думаю, вот это превосходит даже твою силу мысли.

Точеная ручка швырнула к ногам интеллектуального супруга многохвостую плетку.

– До вечера, мой очень дорогой, Готовься, зайчик мой.

Окно осиротело в том смысле, что стало пусто. Черт их поймет этих баб. К чему готовиться-то? К скандалу, сексу или быть может к смерти?

– Чёрт этих баб поймет. – сказал господин Джедсегер

вслух, и управляющий усиленно закивал. – Значит, к плотникам принесешь эти как их... э-э... папирусы, ну ты, в общем понял.

– Господин желает папирусы о сборе ячменя или пшеницы? – спросил догадливый египтянин.

– А что у вас бывают папирусы и из пшеницы, а ну давай! Попробуем, то есть я хотел сказать – посмотрим.

И вправду, оказалось у древних чудаков было пиво и из пшеницы. Джедсегер с наслаждением выпил полжбана холодного, прямо из погреба, ершистого пива. Выпил одним махом, зная, что первый глоток этого напитка приносит наибольшее наслаждение, особенно если его ждать целый день жаркий и душный. «Эх! Хорошо, мать вашу!» – подумал египтянин Джедсегер.

Всю оставшуюся часть дня он действительно занимался делом, вникая в тонкости ведения древнеегипетского хозяйства, что было делом не простым, особенно в том, что касалось торговли. Денежная система отсутствовала напрочь и даже не собиралась появляться в ближайшее время, впервые странник понял, что деньги не всемирное зло и не символ богатства, а всего навсего система расчета. Нет, ну как можно вести торговые расчеты, если за корову давали, либо пять коз, либо десять овец, а за козу одну овцу? Или вот еще лучше: мера винограда стоила четыре меры ячменя или две меры пшеницы, а за две меры пшеницы давали три ячменя? Джедсегер долго хохотал, а подданные удивленно смотрели

и переглядывались, затем вежливо и верноподданно улыбались.

– Не, ребята, у вас торговлей сами боги заниматься велели и никаких пирамид не надо.

Окружающие, слышавшие кощунственные слова вздрогнули и слегка отшатнулись, с испугом глядя на хозяина.

– Вы чего? – удивился хозяин. – А, да я не о тех пирамидах, а о финансовых.

Хитрая морда управляющий посеменил к страннику и зашептал:

– Да простит меня мой господин, падаю в пыль под вашими ногами, я не советовал бы вам говорить об этом вслух, а то мало ли..нет мы вас очень любим, господин наш, никто из наших... никогда, но... вдруг кто из посторонних услышит.

Далее осмотрели земляные работы по ремонту дамб и рытью каналов. В поместье Имсет готовились к разливу реки, несмотря на сложную политическую обстановку. Хрупкая мегера правила железной рукой и плевала на разваливающееся государство. Она собиралась жить и дальше, пусть хоть всё провалиться в нижний мир.

Джедсегер приказал построить землекопов. Землекопов построили в толпу, подбодрив палками. Новоиспечённый господин осмотрел согнанных в кучу рабочих, затем взглянул на надсмотрщиков, стоявших шеренгой, расставив широко ноги и державших обеими руками параллельно земле

палки. Заложив одну руку за спину, он неторопливо прошелся вдоль строя туда-обратно, похлопывая по ноге плеткой. Что-то эта картина ему напоминала. Он прошелся еще разок. Все взгляды неотрывно следовали за ним.

Вспомнил, что это напоминает! Картина, правда, не совсем полная. Не хватает периметра украшенного ажурной колючей проволокой. И собачек с остервенелым лаем и длинными кусючими зубами.

– Здорово мужики! – бодро и громко сказал хозяин.

Толпа мигом упала на колени и уткнулась носами в землю.

– Приказываю вам встать и смотреть на меня, прямо мне в глаза, когда я с вами буду говорить, и отвечать, когда о чем-либо вдруг надумаю спросить, иначе всыплю всем по первое число. – он похлопал по ноге плеткой.

Люди поднялись, с хмурым испугом глядя на странника.

– Когда собираешься закончить дамбу? – негромко спросил он управляющего.

– Через месяц, господин.

Поздно, – подумал Джедсегер.

А если не успеют построить дамбу, то река не оставит ил на полях и, поскольку вся ирригационная система, в целом по стране, приказала долго жить, половина из них через полгода околеет с голоду. Хотя, по-большому счету, их и так уже давно нет, так какое его дело, что с ними уже давным-давно произошло. Почему-то ему так казалось. А вот, ну не нравится мне то, что произошло. – сам себе ответил Джедсегер.

– Встаньте отдельно свободные крестьяне здесь, а рабы сюда. Земледельцы! – внушительно произнес он, пристально глядя всем сразу в глаза. – Я изучил внимательно знаки небесные и знаки земные, и они мне предсказали.... – он выдержал паузу и загремел. – Разлив начнется через две недели! Он уже начался! Там! – он эффектно выбросил руку с плеткой в сторону юга. – С дальних гор страны Офир уже поток воды несется мощный и заполняет до краев верховья Хапи, нашего отца. Кто работать будет за двоих, тот и налог заплатит вдвое меньше!

«Думаю, что и вообще платить не будет, может и такое быть. Черт, надо было пообещать вообще, освободить от этой барщины, но, все уж, поздно».

Так, ну а с рабами этот номер не пройдет – им-то по барбану все налоги.

– Теперь о вас кто в рабстве. Тому, кто в рабство попал из-за невыплаченного долга, со следующего года долги все спишем (управляющий выпучил глаза), а теперь надсмотрщики все ко мне. Так, оглоеды, хочу спросить, отчего сейчас, когда я приказал построиться, вы били палками вот этих вот людей, вы которые и сами в рабстве?

Надсмотрщики, в основном не египтяне, в недоумении переглянулись и, после некоторой паузы, один осмелился ответить:

– Господин наш, мы поступаем так, как должно, как всегда заведено, иначе не будет никакого порядка, как же управлять

рабом без палки?

– Это верно, без палки невозможно, но порядок – это наказание за вину и похвала за дело. Не может быть такого, что виноваты всегда одни и те же, раб не виновен только потому, что раб. А ну-ка положите палки! Эй, кому там сейчас досталось на орехи, вышли из строя. Та-ак! Берите палки, а кирки и мотыги отдайте этим вот мордovorотам. Завтра надсмотрщики – вы, а послезавтра другие, а на третий день третьи и отныне надсмотрщиком на следующий день будет тот, кто лучше всех работает сегодня. На сегодня у меня все.

Управляющий, наконец попавший в поле зрения своего господина, уже глаза не тарашил, а подкатил под лоб и, находясь в полуобморочном состоянии, несвязно забормотал:

– А-а... госпожа... о, господин... рабы... как же... налоги... э-э...

– Ага! – обрадовался господин, увидев управляющего. – Теперь с тобой. Где пиво для рабочих? А? Я уже второй раз опять спрашиваю – где пиво, расторопный мой?

– Гы-гы-гы-г-г-господ-д-дин. – простонал управляющий.

– Ты думаешь, я не знаю, что положено рабочим во время работ! – грозно спросил господин Джедсегер. – Записано ясно: рабочий на работе получает в день – три хлеба, три жбана пива и еще лук и чеснок – это уже каждому по-вкусу. Это записано в папирусах и, что б такие вот, как ты, не забывали, это еще и вырублено на камне, или ты думаешь, это для меня высекли посланье на века. Мне вот очень важно

было знать, сколько вы тут жрете пива! Кстати, оно у вас, вообще, недурное, особенно пшеничное и на жженных хлебных корках. Это указание нам передано от эпохи управления Нетеру, такой закон! Или ты скажешь, что камни лгут? А может, лгут и боги? Ну, скажи, скажи, попробуй, что боги лгут, всем покажи какой ты богохульник.

– Г-г-господин, а как ж-ж-ж... госпж-ж-жа? – бедняга остановился передохнуть и, собравшись с силами, закончил. – г-г-г-госпожа?

– А-а-а, моя прекрасная супруга! Мы с нею это все обсудим ночью. Думаю, что уж как-нибудь придем мы к соглашению. – господин Джедсегер фамильярно подмигнул всем и кое-кто несмело хихикнул.

Толпа вдруг как-то оживилась, волной прошло легкое движение и ветерком пронесся обрывистый шепот:

– Да, да... он... он самый... я... видел... только... он... так... может... Меннефер... точно он... говорящий молча... теперь ...все хорошо... счастье.. посланец Гора... боги... справедливый мир.

– Ну, так ты это, насчет пива распорядись, – уже тихо сказал он управляющему, – да и нам уже пора бы по чуть-чуть. Я пойду туда к ткацким мастерским, уж очень меня интересует мануфактурное производство, а затем осмотрим виноградники.

И господин Джедсегер направился, куда и говорил. Однако в этот раз с ткацким производством ознакомиться не уда-

лось, а очень было нужно, но подходя к двери, он вдруг заметил через окно маленькую женщину, сидящую за станком, и остановился чуть, не пропахав ногами две борозды. Он и сам не понял почему она на него произвела такое впечатление. Ну египтянка и египтянка, ну так ничего себе, довольно миленькая мордашка, чуть лопухинькая – ну, вобщем египтянка. Но, почему-то сердце у него ударилось об грудь, будто трахнуло молотом по наковальне.

– Хеприура! – услышал он чей-то голос в мастерской и египтянка повернулась.

Теперь в груди разлилась какая-то тревожная печаль. Хеприура? Там был ещё какой-то Небсебек, который жил и умер. А не он ли этот покойный? Так всё это было? И как сложить все смутные обрывки в целую картину? Джедсегер направился было ко входу в мастерскую, но тут же остановился. Если это и в самом деле Хеприура, если она его сейчас узнает и всё то было на самом деле, то такая жёнушка как Имтес, пожалуй что её зарежет, не поведя и бровью. Даже если он встанет на её защиту, то этакая египетская кобра найдёт случай прикончить несчастную девчонку. Так что, прости меня, моя прекрасная, но если Небсебек жил, а затем умер, то пусть ещё побудет мертвым.

Джедсегер все же не ушел сразу, а некоторое время смотрел на Хеприуру, выискивая в ее облике печаль и тоску. Однако ничего такого не было заметно. Женщина сосредоточенно и споро работала на станке. Он досадливо покривил

губами, испытывая некоторое разочарование, что о Небсебеке так быстро забыли, ему очень хотелось видеть страдание и муку на миленьком лопухом личике, а оно совершенно спокойное.

Руки Хеприуры перестали летать над станком, и она уставилась в пространство, застыв в неподвижности словно о чем-то вспоминая.

Так было или не было?

Хеприура в беспокойстве посмотрела вправо, затем влево. Джедсегер мгновенно отступил за косяк. Но там внутри кто-то окликнул ее, и женщина вновь склонилась над станком. «Вот что-то расхотелось мне изучать мануфактурное производство» – принял такое решение господин Джедсегер, направляясь по дороге, обсаженной можжевельниками, тамарисками и акациями, к виноградникам. Здесь шел активный сбор крупных тяжелых кистей белого и бело-зеленого, почти просвечивающегося насквозь, винограда с плавающими внутри, словно рыбки, косточками. А так же пурпурного и красного, сияющего подобно брызгам заходящего солнца, и черного, как безлунная египетская ночь. Сбор вели женщины, девушки и девочки, грузили корзины на ослов, по две на каждого и вели самые маленькие вниз к поместью. У любимой женушки все было продумано и все задействованы, у нее не забалуешь. Сборщицы, узрев грозного и великого хозяина Джедсегера, пали ниц, все же поглядывая снизу и искоса черными любопытными глазами.

– А ну-ка всем слушать сюда, женщины. – внушительно произнес хозяин. – приказываю всем вам, под страхом самой ужасной кары, встречать хозяина улыбками, хихиканьем и прочими смешками и ужимками, а молодым, красивым еще приказываю обязательно мне строить глазки.

Женщины начали приподнимать головы и недоуменно переглядываться.

– Ну, вы чего? Не слышу смеха и не вижу улыбок.

Женщины перестали переглядываться недоуменно и начали переглядываться нерешительно. Некоторые неуверенно улыбнулись.

– А ну-ка, дай-ка.

Господин взял у надсмотрщика палку и потыкал одну-другую в бок.

– Женщины, вы почему не веселитесь?

– Мы веселимся, господин. – ответили они вновь уткнувшись в землю.

– Только не лопните от смеха.

– Как прикажет господин.

Тут со стороны восточной пустыни прилетел порыв горячего ветра и задрал склоненным женщинам подолы. Господин поджал губы и некоторое время стоял молча, но долго сдерживаться не смог и заржал как молодой конь, совершенно утратив хозяйское достоинство. Женщины начали робко поднимать головы и только теперь увидели, что происходит с их туалетом. Они начали подскакивать и одергивать платья,

что удалось не всем и не сразу, потому что ветер разошёлся не на шутку. Господин Джедсегер уже сидел на корточках, держась за живот, и махал на подданных руками. Женщины взглянув на свои растерянные покрасневшие от смущения физиономии начали хихикать, а затем уже искренне засмеялись закрывая рты ладонями, а нахальный ветер вновь учудил фокус с платьями и теперь все смеялись в полный голос, одергивая подолы.

– Ну, вот где-то так. – проговорил господин, утирая слезы. – А то всё господин, да господин.

Проследив за движением ослов с корзинами винограда, Джедсегер обеспокоенно завертел головой и начал принимать. Возникший рядом управляющий также обеспокоенно уставился на своего экстравагантного хозяина. С благоговейным ужасом ожидая чего угодно.

– Так, так. – многозначительно произнес господин Джедсегер и пристально посмотрел на управляющего. – Где-то тут поблизости идет процесс ферментизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.